

Гудки машин, суетливые шаги прохожих, обрывки чужих разговоров — всё слилось в сплошной, давящий гул.

У Ваньи словно в один миг лишился души. Он застыл на месте как вкопанный. Бессмысленно уставившись на мигающий впереди светофор, он стоял с мертвенно-бледным, лишенным каких-либо эмоций лицом. Взгляд его потускнел и остекленел.

Лавина неразрешимых вопросов лишила его способности соображать. Мысли рассыпались белым шумом, словно помехи на экране неисправного телевизора. В голове воцарилась звенящая пустота, а сам он будто начал отделяться от собственного тела, уплывая куда-то прочь.

Вдруг его захлестнули сомнения — в себе, в реальности окружающего мира.

«Что из этого правда, а что лишь искусная иллюзия?»

Он бессмысленно всматривался в пространство перед собой. Вопросы, закливающие сознание подобно вредоносному вирусу, способны любого свести с ума. И сейчас У Ваньи балансировал на этой тонкой грани между рассудком и безумием.

Внезапный сильный толчок в плечо выдернул его из забытья и вернул в реальность. Медленно, с сонной заторможенностью он опустил голову и посмотрел на толкнувшую его женщину. Её растрепанные волосы обрамляли исхудавшее, бледное лицо, на котором застыли следы непроходящей, изнуряющей усталости. Свободной рукой она крепко держала истощенного ребенка с отсутствующим взглядом.

Заметив на себе его взгляд, она опустила голову и упрямо двинулась дальше, снова задев его плечом и заставив пошатнуться.

У Ваньи, ещё не до конца придя в себя, растерянно замер. В этот самый миг на перекрестке раздались чьи-то панические, полные тревоги крики. Сбоку резко вспыхнули фары. Ослепительный свет ударил по глазам, и под оглушительный рев мотора прямо на них полетел автомобиль.

У Ваньи прищурился и скользнул взглядом вперед: на мигающем зеленом сигнале светофора шел обратный отсчет. Оставалось всего три секунды.

Мысли на мгновение замерли. Рефлексы сработали быстрее разума: рванувшись назад, он мертвой хваткой вцепился в женщину, которая упрямо шагала навстречу гибели.

Она обернулась. В её глазах сквозила лишь непроглядная, глухая пустота и ледяное безразличие к собственной судьбе. У Ваньи на секунду оцепенел: в этом взгляде он, словно в зеркале, узнал самого себя.

Из-за этой секундной заминки пальцы соскользнули по грубой ткани куртки, так и не добравшись до её предплечья. Под истошный, визгливый вой клаксона у него бешено запульсировала жилка на виске, отозвавшись в голове резкой, колющей болью. Среагировав в последний миг, он рванул на себя ребенка, ухватив за воротник. На бледной коже его ладони вздулись напряженные вены.

Женщина посмотрела на него. В её глазах промелькнуло слабое облегчение. Она разжала пальцы, выпуская руку сына.

У Ваньки похолодел от ужаса, сердце готово было выскочить из груди. Еще секунда — и тело женщины разлетится кровавыми брызгами по асфальту. Но в самый последний миг отрешенный мальчик вдруг сам вцепился в материнский рукав.

Пользуясь тем, что У Ваньки изо всех сил тянул их на себя, он увлек за собой обоих. Женщина с глухим стуком повалилась на землю. Сам У Ваньки тяжело рухнул на асфальт, ободрав ладони о мелкий гравий.

Заметив, что спасенная женщина снова пытается подняться и броситься под колеса, он, не обращая внимания на содранную кожу, крепко обхватил её руками, удерживая на месте.

Женщина окончательно обезумела. Сорвавшись на истошный визг, она рвалась вперед с первобытной силой. Вокруг с визгом тормозили машины, собиралась толпа зевак, но она продолжала биться в истерике, совершая хаотичные, бессмысленные попытки вырваться.

Глядя на эту потерявшую рассудок женщину, У Ваньки затрясся мелкой дрожью. Происходящее слишком сильно ударило по его и без того расшатанным нервам. В его потемневших глазах вспыхнула пугающая, ледяная ярость. Размахнувшись, он наотмашь влепил ей звонкую пощечину.

Брызги крови с его ободранной ладони разлетелись по асфальту, оставив на бледной щеке женщины яркий багровый след. Шум мгновенно стих. Казалось, даже воздух вокруг застыл.

У Ваньки дрожал всем телом, словно тяжелобольной в лихорадке.

— Жить надоело?! — глухо, сорванным голосом выплюнул он.

Этот удар будто вымел безумие из её головы. Она ошеломленно замерла, а затем, спрятав лицо в ладонях, горько разрыдалась.

Малыш, которому на вид не было и пяти лет, не проронил ни слезинки. Он молча подошел и робко потянул мать за край подола. От этого нехитрого жеста женщина зарыдала еще отчаяннее, надрывно и безутешно.

У Ваньи судорожно сжал ткань рубашки на груди. От бешеного сердцебиения перехватило дыхание, губы мгновенно побелели. Перед его мысленным взором заплясали кровавые, кошмарные картины прошлого, безжалостно терзая его истощенный разум.

Кое-кто из прохожих порывался подойти и помочь, но, глядя на дикий, затравленный вид У Ваньи, люди не решались сделать и шага.

Наконец он прикрыл веки, а когда открыл их, в его глазах застыла ледяная решимость. Схватив женщину, он буквально волоком оттащил её на тротуар. Неопишуемая смесь страха и злобы разрывала его изнутри. Он походил на спящий вулкан, готовый в любую секунду рвануть и уничтожить всё вокруг.

В первый раз она толкнула его лишь потому, что он мешал пройти. Во второй раз оттолкнула намеренно — чтобы уберечь, убрать с траектории несущейся машины.

Она спасла его жизнь, а свою решила оборвать здесь и сейчас!

У Ваньи бил озноб. Нахлынувшая ярость грозила поглотить остатки рассудка; самые темные, жуткие мысли копошились в его голове, отравляя сознание.

В этот момент дверца остановившегося автомобиля распахнулась, и из салона, пошатываясь, вылез водитель. С его губ тут же сорвалась грязная брань:

— Глаза разуй, овца! Сдохнуть захотела — вали в другое место, не хрен мне тачку своей поганой кровью пачкать!

У Ваньи ледяным взором смерил его лоснящееся, багровое от алкоголя лицо, дорогую брендовую одежду и припаркованную у обочины роскошную иномарку ценой в несколько миллионов. Опустив голову, он вдруг тихо рассмеялся.

— Ты че ржешь, урод?! Вы че, заодно? Решили бабла с меня срубить, суки подставные?!

Богатый выскочка шумно икнул перегаром, вытащил из кармана банковскую карту и пренебрежительно похлопал ею У Ваньи по щеке.

— У меня бабла — завались, понял? Но хрен вы от меня хоть копейку получите, нищebroды гребаные.

Спрятав карту обратно, он процедил сквозь зубы:

— Знал бы — только газу прибавил, чтоб вас к чертям размазало. Меньше проблем.

У Ваньи даже не шелохнулся. Лишь опустил ресницы и негромко, хрипло произнес:

— Он в стельку пьян. Если бы ты шагнула туда, то точно погибла бы.

Женщина вздрогнула и еще ниже опустила голову, храня угрюмое молчание. Никто вокруг не знал, какая беда толкнула её на этот шаг. Возможно, она действительно надеялась перед смертью оставить сыну хоть какие-то деньги, подстроив аварию, как утверждал этот пьяный богач.

Толпа безмолвствовала. Люди не спешили судить её. Каждый из них был лишь сторонним наблюдателем, понимающим, что перед лицом жестокой реальности никто не имеет права рассуждать о чужих грехах и правильности выбора.

Водитель, кажется, немного протрезвел от ночного воздуха. Глядя на эту сцену, он издевательски ухмыльнулся. Достав телефон, он направил камеру на них и со смехом заговорил в микрофон:

— Народ, зацените, каких разводил я сегодня встретил на дороге.

Из динамика послышался пьяный хохот приятелей, звон бокалов и чей-то глумливый голос: «Чего ты их не переехал-то? Очистил бы город от мусора!»

Мужчина мазнул взглядом по лицу У Ваньи и ухмыльнулся:

— Да шустрые, суки, увернулись. А то бы я...

Раздался резкий, оглушительный треск. У Ваньи вырвал телефон из его рук и с силой швырнул в бетонный столб. Пластиковый корпус разлетелся вдребезги, осыпав асфальт осколками деталей.

На секунду все замерли, а затем взбешенный водитель с налитыми кровью глазами кинулся на У Ваньи.

— Ах ты тварь! Жить надоело?!

Очевидцы в испуге попятились. Вмешиваться в драку никто не решался. Вдруг из толпы раздался девичий голос. Школьница в форме, отчаянно сжав зубы, крикнула:

— Я вызвала полицию!

Она прокричала это так громко, что замахнувшийся мужчина замер и диким, яростным взглядом

установился на неё. Девочка судорожно сжала лямки рюкзака. Смертельно побледнев, она всё же нашла в себе силы повторить:

— Я... я уже позвонила в полицию.

И словно в подтверждение её слов, на соседней улице завывли сирены, стремительно приближаясь к перекрестку.

Дежурный офицер, оформлявший протокол, с удивлением взглянул на У Вань. Было очевидно, что он прекрасно помнит его прошлый визит.

— Рассказывайте, что произошло.

— Он сел за руль пьяным, — бесстрастно ответил У Вань.

Полупьяный водитель тут же подскочил на стуле и взревел:

— Пиздеж! Вы, мрази, под колеса прыгнули, чтоб бабки с меня стясти!

У Вань перевел на него тяжелый, ледяной взгляд. Каждое его слово звучало веско и безапелляционно:

— Управление в нетрезвом виде. Проезд на красный. Нанесение телесных повреждений. Покушение на убийство.

С каждым произнесенным словом ярость мужчины крепла. Лицо его налилось пунцовой краской, а глаза налились кровью. Офицер с силой грохнул ладонью по столу и рявкнул:

— А ну сел на место! Быстро!

Мужчина смерил У Вань злобным взглядом и нехотя опустил на стул, продолжая буравить его глазами, полными лютой ненависти.

— Да они подставщики! Посмотрите записи с камер, если не верите!

Разумеется, видео с дорожных камер уже было у оперативников. То, что водитель был пьян, подтвердила экспертиза. А вот доказать злой умысел пешеходов оказалось непросто. Светофор в тот момент мигал зеленым, так что утверждать, будто У Вань и женщина намеренно бросились под колеса ради шантажа, было невозможно.

К тому же, несмотря на небрежный вид, одежда У Ваньи стоила приличных денег, что явно указывало на его достаток — грабить пьяных водителей на дороге ему точно не требовалось.

А вот с женщиной всё обстояло гораздо сложнее...

Одна из сотрудниц принесла ей стакан горячей воды и теперь тихо, успокаивающе с ней беседовала. Ребенок послушно сидел на стуле и сосал конфету, однако его отрешенность пугала — он вообще никак не реагировал на шум вокруг.

Оценив обстановку, полицейские оказались в замешательстве. Пьяная езда была очевидным преступлением, за которое водителю грозила ответственность, но в остальном дело пахло затяжным разбирательством, и полиция пыталась свести всё к мировой.

Нарушитель, разумеется, встал в позу, требуя привлечь У Ваньи к ответственности за порчу имущества и хулиганство. Молодой стажер, только что помогавший успокаивать женщину, не выдержал. Глядя на то, как нетрезвый дебошир брызжет слюной, он негромко обронил:

— По-моему, хулиганите здесь только вы.

Старший коллега одарил стажера тяжелым, предостерегающим взглядом. Юноша тут же прикусил язык и уткнулся в бумаги.

Но как бы ни бушевал виновник аварии, сделать он ничего не мог. В конце концов, У Ваньи всего лишь разбил его телефон. Спустя полчаса сквернословящего богача увели оформлять протокол за нетрезвую езду.

Женщина благодаря заботе инспектора немного пришла в себя, но в её глазах по-прежнему читалась жуткая, непоправимая тяга к смерти. Посмотрев на У Ваньи, она едва слышно выговорила:

— Я... я тогда...

— Он сел за руль пьяным. Вы здесь ни при чем, — мягко оборвал её У Ваньи.

Её глаза вновь наполнились слезами. Закрыв лицо ладонями, она сокрушенно зарыдала:

— У меня не было выбора... Просто не было сил бороться дальше. Думала, если погибнем вместе, то сыну больше не придется мучиться в этой нищете. А если бы выжила... хоть какие-то деньги...

Голова её бессильно опустилась, худые плечи содрогались от рыданий. Сквозь душащие слезы она больше не могла вымолвить ни слова. Она так и не решилась признаться вслух, что

действительно надеялась получить компенсацию ценой собственного здоровья.

Присутствовавшие в кабинете сотрудники полиции деликатно отвели глаза, делая вид, что очень заняты бумагами. Лишь инспектор, утешавшая бедняжку, тихо и горько вздохнула.

Поступила ли эта женщина благородно? Разумеется, нет. Но требовать от нее высокой морали в такой момент было бы верхом жестокости.

У Ваньи молча созерцал несчастную. Одежда на ней давно выцвела и обтрепалась, а само тело казалось истощенным, лишенным всяких жизненных сил. Изможденное лицо землистого оттенка и сухие, ломкие волосы выдавали женщину, которую жизнь загнала в угол. Она несла непосильную ношу, настолько измученная невзгодами, что любая, даже самая ничтожная мелочь могла стать для нее последней каплей.

У Ваньи не стал спрашивать о ее бедах. Зачем беречь раны? Всякая исповедь о нищете и позоре — это мучительное сдирание кожи с живого, кровоточащего мяса.

Достав из кармана старый, потертый бумажник, он неторопливо раскрыл его. Внутри лежала внушительная пачка крупных купюр.

— Ты и так сделала всё, что могла.

Он не собирался читать ей нотации. Вопросы законности пусть решает полиция, его это не касалось.

Бедняжка ошеломленно воззрилась на его бледное, осунувшееся лицо и разрыдалась с новой силой. Но на этот раз слезы лились не от жалости к сыну, не от тяжести быта и не от ударов судьбы. Она оплакивала саму себя. Все скопившиеся обиды, горечь безвыходности и затаенная злоба выходили наружу с этими чистыми, солеными каплями.

Маленький мальчик с отсутствующим взглядом тихо подошел к матери. Без лишних слов и слез он протянул ей крошечную ладонь и вложил в мокрую от слез руку яркую карамельку в блестящем фантике.

Взглянув в лицо сына покрасневшими глазами, женщина крепко сжала леденец в кулаке и с силой прижала ребенка к груди.

У Ваньи молча наблюдал за ними. Ничего не говоря, он положил деньги на стол, поднялся и вышел из кабинета.

Эта пачка купюр давно лежала в его кармане. Когда-то он приготовил ее для самого себя. У него был план: подняться на крышу какого-нибудь небоскреба и с диким, извращенным торжеством швырнуть эти деньги вниз, мстя ненавистному миру. Ему хотелось, чтобы

падающий денежный дождь укрыл его изувеченное, разбитое об асфальт тело. Окровавленные бумажки должны были послужить ему ритуальными деньгами на том свете, а случайные прохожие, ставшие свидетелями его гибели — невольными участниками его похорон.

Пожалуй, это была самая изощренная и злая месть, на которую только способен маленький, раздавленный обстоятельствами человек.

Однако сделать этот последний шаг он так и не решился. Жить невыносимо трудно, но, как оказалось, умереть — ничуть не легче.

Теперь эти купюры, долгое время хранившие дыхание его собственной смерти, обрели иной смысл. Они должны были подарить надежду и спасти чужую жизнь. У Ваньки не знал, наладится ли у этой женщины жизнь. Он не мог ничего гарантировать, ведь сам был глубоко несчастен.

«Обязательно наладится», — тихо отозвалась в его сознании Система 7008.

Деньги, прежде бывшие символом скорби, теперь несли в себе семена жизни. Всё наладится, непременно наладится.

Мысленно подняв глаза к небу, 7008 безмолвно молилась о чуде.

Шагая по ночной улице, У Ваньки поднял голову к усыпанному редкими звездами небу. Вспомнив яркую карамельку в кулачке малыша, он невольно криво усмехнулся.

На его одежде виднелись серые разводы пыли, рукава были перепачканы чужой кровью. Весь его облик сквозил глубоким, щемящим одиночеством и неприкаянностью. Впрочем, секундное наваждение быстро прошло. Он вновь опустил взгляд, лицо его окаменело, а в глазах застыло прежнее ледяное безразличие.

Редкие прохожие спешили мимо, но казалось, будто они обитают в иной, недостижимой реальности. Краски города блекли, превращаясь в размытые серые пятна, а яркие витрины гасли одна за другой, растворяясь во мраке.

Окружающий мир стремительно терял цвет. На всей улице не осталось ни единой живой души — только он.

У Ваньки брел наощупь, тупо переставляя ноги. Тьма вокруг сгущалась. Дорога впереди напоминала бездонный провал, а путь назад заволокло непроглядным туманом. Он чувствовал себя ничтожно малым, беззащитным муравьем, запертым в пустом и холодном измерении, отрезанном от остальной вселенной.

Вдруг он резко замер. Взгляд его упал на асфальт, и он невольно задержал шаг. Помедлив, он медленно поднял голову. Там, впереди, прямо под конусом света от уличного фонаря, кто-то стоял.

Тусклое прежде сияние лампы внезапно вспыхнуло с невероятной силой. Людской поток и гул машин вновь ворвались в его сознание, обрушившись одновременно шумом и мертвой тишиной. Шум пугал своей хаотичностью, но внутри У Ваньи царил полный покой — он не замечал прохожих, не различал сигналов автомобилей. Для него существовал лишь один человек, стоящий впереди. Ми Юньцзинь.

Он заворуженно смотрел на него. В горле пересохло, У Ваньи судорожно сглотнул. Разум лихорадочно пытался отделить реальность от бреда, и эта путаница не позволяла ему сделать и шага. Но тут Ми Юньцзинь двинулся ему навстречу.

С первым же его шагом суета улиц вновь угасла, смазалась серой дымкой. Лишь силуэт Ми Юньцзиня да ровный свет фонарей оставались кристально четкими. Весь мир вокруг сузился до этой точки, обретая смысл и глубину.

— Пойдем, — тихо произнес Ми Юньцзинь и коснулся его запястья.

У Ваньи вздрогнул. Тепло чужих пальцев было настолько реальным и осязаемым, что по телу мгновенно пробежал мощный электрический разряд. Он застыл на месте, растерянно глядя перед собой и не зная, как себя вести.

Ми Юньцзинь бросил на него короткий взгляд, бережно, но крепко сжал его ладонь и увлек за собой.

У Ваньи послушно плелся следом, словно бездушная марионетка. Лишь спустя минуту он опустил голову и заворуженно уставился на их переплетенные пальцы. Сердце сладко сжалось. Он едва заметно, робко шевельнул ладонью, ласкаясь к руке спутника. Ему всё еще казалось, что это лишь хрупкий мираж, мыльный пузырь, готовый лопнуть от любого неосторожного движения.

Ми Юньцзинь пришел за ним. У него не было яркой карамельки, как у того малыша, но на душе всё равно стало на удивление тепло и сладко. Это было то самое щемящее чувство защищенности из детства, когда, сколько бы ты ни задержался в школе, мама обязательно встретит тебя и заберет домой.

Почувствовав это робкое движение, Ми Юньцзинь обернулся. У Ваньи тут же смущенно поджал губы и отвел взгляд в сторону. Он и сам не понимал, почему так робеет. Нахлынувшие чувства были настолько яркими и сильными, что дышать становилось трудно.

Ми Юньцзинь промолчал. Он лишь слегка ослабил хватку на запястье и, аккуратно обойдя содранную кожу на ладони, переплел свои пальцы с его пальцами.

У Ваньи тяжело сглотнул. Сердце, замершее на мгновение, забилось в бешеном, неистовом ритме. Их руки соединились так прочно, словно связались невидимой нитью, затянувшись тугим, неразрывным узлом.

Не проронив ни звука, он покорно шел следом, позволяя вести себя домой.

Когда они переступили порог виллы, прохладный ночной ветерок остался снаружи. Яркий свет массивной люстры залил прихожую, показавшись У Ваньи слишком резким, мертвенно-белым и фальшивым. В этот миг наваждение окончательно рассеялось.

Он растерянно перевел взгляд со спины Ми Юньцзиня на собственную руку. Внезапное тепло и забота, в которых он так легко растворился, теперь вызвали у него лишь глухую тревогу и панику. Оставшиеся за дверью шелестящие деревья и завывания ветра показались деталями иного, чужого мира — холодного, призрачного и бесконечно далекого.

Безумные галлюцинации вновь начали овладевать его сознанием, заставляя сомневаться: действительно ли Ми Юньцзинь стоит перед ним, или это очередной жестокий обман рассудка? Липкие, тягучие сомнения ядовитыми щупальцами впились в его душу. Оцепенел от ужаса, он резко вырвал свою ладонь.

Почувствовав, как опустели его пальцы, Ми Юньцзинь обернулся и мягко посмотрел на него. У Ваньи поспешно отвел глаза. В комнате повисло тяжелое, давящее молчание. Ми Юньцзинь постоял так некоторое время, но не стал настаивать и тихо прошел вглубь дома.

Стоило его силуэту скрыться из виду, как в груди У Ваньи образовалась зияющая пустота. Ноги сами понесли его следом, но он вовремя спохватился и замер, тупо разглядывая свои одинокие пальцы.

Окружающая действительность вновь обернулась для него ледяным безмолвием. Медленно сжав кулаки, он хрипло, издевательски усмехнулся собственной слабости.

Так он и стоял у порога, погружаясь в пучину безысходного одиночества и занимаясь привычным самобичеванием. Он болен. Тяжело, неизлечимо болен — и телом, и душой. Разум больше не подчинялся его воле, и это было невыносимо.

Прошло немало времени, прежде чем Ми Юньцзинь снова приблизился к нему и осторожно потянулся к его руке. У Ваньи инстинктивно отпрянул. Жест этот заставил обоих застыть. В душе юноши поднялась глухая, беспричинная злоба. Его вечная подозрительность и ранимость мигом разрушили остатки той хрупкой гармонии, что возникла между ними на улице.

Низко опустив голову, он до боли сжимал кулаки. Внезапный приступ иррациональной

ненависти заставил его презирать всё вокруг: самого себя, Ми Юньцзиня, этот дом и весь этот паршивый мир.

Но Ми Юньцзинь, проигнорировав его протест, мягко, но настойчиво перехватил его запястье и усадил на стул.

У Ваньи понятия не имел, что тот задумал. Сейчас ему претило абсолютно всё, даже сам воздух, которым он дышал, казался отравленным. Стоило этой заразе проникнуть в мысли, как она принималась стремительно размножаться, поражая каждую клеточку его существа. У Ваньи понимал: он снова становится рабом собственных демонов.

Мучительно зажмурившись, он перестал сопротивляться, позволяя Ми Юньцзиню бережно разжать его сведенные судорогой пальцы. В следующий миг он почувствовал приятную прохладу влажного полотенца, бережно стирающего грязь и кровь с его ладоней.

Вихрь безумных мыслей в его голове утих. Он открыл глаза и посмотрел на Ми Юньцзиня, который сосредоточенно, склонив голову, обрабатывал его раны. Вся злость и раздражение испарились без следа. Остались лишь уютная тишина и мягкий свет ламп.

Когда прохладная мазь коснулась обожженной кожи, пальцы У Ваньи невольно дрогнули. Ми Юньцзинь поднял на него глаза:

— Больно?

«Нет».

Губы его лишь беззвучно шевельнулись.

— Я буду полегче, — негромко пообещал Ми Юньцзинь.

«Нет».

Ему хотелось чувствовать боль. Настоящую, острую боль — только она могла вернуть его к реальности и спасти от этой удушающей, сводящей с ума нежности.

Мигающие огни светофоров и пронзительный визг тормозов в его сознании раздулись до размеров жутких, кроважанных чудовищ. Мерный, монотонный стук метронома звучал как злобещий обратный отсчет.

Под свинцовым, грозовым небом мать, захлебываясь кровью, из последних сил толкала его в спину, отчаянно крича:

— Беги! Скорее беги!

В голове звенело. Подчиняясь животному инстинкту выживания, он на ватных, непослушных ногах упрямо карабкался прочь, цепляясь руками за землю. Ясные, полные решимости глаза матери были устремлены на него. Он не понимал, что происходит, но твердо знал: нужно слушаться ее.

— Беги! Не оборачивайся!

Поднявшись во весь рост, он бежал сломя голову, не щадя сил. Внезапно за его спиной прогремел оглушительный взрыв, и небо окрасилось в багровые тона. Горящие обломки машины с грохотом посыпались на дорогу, наполняя воздух едкой, удушливой гарью. Он замер как вкопанный, не смея обернуться.

А виновник этой страшной трагедии в это время преспокойно спал за рулем, невменяемый от выпитого.

Как же У Ваньки ненавидел его! Ненавидел за то, что тот мог так безмятежно спать после всего, что натворил! Он озирался по сторонам, и ярость душила его — он ненавидел равнодушных прохожих, безучастно глазевших на чужое горе. Но сильнее всего, глядя на свои перепачканные чужой кровью ладони, он ненавидел собственное ничтожество и бессилие.

Безумные видения сменяли друг друга с бешеной скоростью: то окровавленное лицо матери, то полыхающий адский костер автокатастрофы. Но в конце концов сквозь этот кошмар проступил единственный отчетливый образ — мамины глаза. Сияющие, словно мириады далеких звезд, полные неизбывной стойкости и мужества.

Этот свет долгие годы оставался для него единственным маяком, помогавшим выживать во тьме.

— Беги, сынок, спасайся...

Но он больше не мог сделать ни шага. Силы окончательно покинули его. У Ваньки свернулся калачиком, точь-точь как испуганный ребенок. Вот только мамы, способной обнять и защитить его, рядом больше не было.

Плотнo задернутые шторы не пропускали бледный лунный свет. В наглухо запертой, погруженной во мрак комнате воздух казался спертым и неподвижным. У Ваньки лежал на кровати, сжавшись в комок и судорожно прижимая локоть к животу. Даже во сне его лоб кривился от судороги, а на осунувшемся бледном лице застыла печать глубокого страдания.

Пожалуй, лишь во власти грез, лишившись привычной защиты, он позволял себе проявить эту слабость.

Одетый лишь в легкую пижаму, босой, он казался невероятно хрупким и беззащитным посреди огромной, леденящей постели. Несмотря на близящееся лето, в этой комнате царил настоящий ледниковый период.

В темноте бесшумно скользнула тень. Чья-то рука аккуратно поправила одеяло, укрывая его до самых плеч.

Наблюдавшая за этим Система 7008 с облегчением вздохнула. То, что она так жаждала, но не могла сделать из-за своей бесплотности, наконец совершил кто-то другой. Успокоившись, 7008 ушла в спящий режим.

Ми Юньцзинь ласково коснулся его лба, разглаживая упрямую складку между бровей, а затем провел пальцем по переносице и опустил к сухим губам.

Сейчас У Ваньи из-за болезни сильно осунулся. И всё же в чертах его лица угадывался тот красивый, опрятный юноша, каким он был когда-то. Звучит забавно, ведь ему едва исполнилось двадцать пять. Самый расцвет сил, золотая пора юности, когда жизнь должна бить ключом, а человек — цвести подобно прекрасному бутону. Но вместо этого У Ваньи увядал на глазах, готовясь к преждевременной гибели.

Ми Юньцзинь склонился ниже и прижался к его губам.

У Ваньи во сне слабо затрепетал. Его губы приоткрылись, и в рот послушным, теплым потоком хлынул сладкий нектар Божественного цветка. Напряжение в теле спящего спало, рука безвольно соскользнула с живота. Он жадно сглатывал живительную влагу, а на его губах выступили блестящие капли нектара.

Когда Ми Юньцзинь отстранился, между их губами натянулась тонкая ниточка. В этот самый момент У Ваньи вдруг резко вскинул руку и вцепился в его длинные волосы.

Ми Юньцзинь опустил взгляд на его ладонь, бережно обмотанную чистыми бинтами, сквозь которые пробивался терпкий травяной аромат мази. Смахнув пальцем влагу со своих губ, он тихо, едва слышно прошептал:

— Маленький обманщик.

«Ведь ты терпеть не можешь боль. Ненавидишь одиночество и этот проклятый холод. Зачем же тогда забываешься в самый темный угол, упрямо держишь спину и гонишь прочь любого, кто пытается согреть тебя?»

Ми Юньцзинь прикрыл глаза, позволяя спящему юноше крепко держать его за пряди волос.

<http://bllate.org/book/20309/2185734>